

Фрагменты рукописи Сергея Дмитриевича Шера «В военные годы»

Продолжение. Первую часть см. «Руды и металлы» № 3/2020

В батальоне

Война для меня чётко делится на две части. Первая часть её проходила на курсах, в штабе Западного фронта, и в отряде глубокого бурения, там, где, по существу, войны как таковой не было. Это совсем от меня не зависело, я скорее даже прилагал некоторые усилия, чтобы приблизиться к войне. Но судьба была очень благосклонна ко мне и «не допускала» меня туда, где шли бои и погибали люди. Вторая часть войны, с лета 1943 г., была для меня настоящей войной, но, правда, уже не в должности рядового солдата, а хоть небольшого, но начальника, что делало военный быт менее суровым. Здесь тоже судьба хранила меня, хотя возможности почувствовать реальные следы войны и были для меня гораздо вероятнее.

Приходится совсем по-разному описывать свою жизнь во время обеих частей войны. В первой – я часто бывал в Москве, а мои местопребывания не раз менялись. Во второй – в Москве я ни разу не был, и всё это время находился на одной должности, хотя она иногда и меняла своё название. Эпизоды, так или иначе связанные с боевыми действиями, никак или почти никак не отражены в моих письмах – и писать о многом было нельзя, и не хотелось рассказывать о всяких «беспокойных» вещах. Восстанавливать те эпизоды, которые хочется описать, приходится по памяти. Только немного можно использовать письма, посланные не через почту, а со случайными попутчиками.

Я думаю сначала рассказать о батальоне, где я воевал, а потом уже вспомнить, не всегда в хронологическом порядке, ряд отложившихся в памяти эпизодов.

369 батальон, в который я попал, назывался Армейский инженерный и подчинялся 10-й Гвардейской армии. В той же Армии был ещё инженерный батальон, совершенно такой же структуры, как и наш. Я был начальником штаба 369 батальона, а начальником батальона был Михаил Юрьевич Коробьин. <...>

Для тех, кто совсем не знаком с военной структурой, надо дать некоторые пояснения. Инженер-

ных войск в армии очень много, и назначение их всех разное. Прежде всего они различаются тем, в каком подчинении находятся. Часть войск подчиняется фронту и выполняет общefронтные задачи. Наш отряд глубокого бурения был фронтового подчинения и среди других частей должен был обеспечивать задачи в масштабе фронта. Батальоны, с которыми судьба связала меня с 1943 г., были подчинения армейского и решали задачи в масштабе Армии – обеспечение её продвижения, строительство наблюдательных и командных пунктов, разминирование в полосе Армии и т. д. Были ещё инженерные части в дивизиях (батальоны) и в стрелковых полках (сапёрные роты). Сапёры в этих подразделениях трудились непосредственно в войсковых частях, и жизнь их была наиболее трудная. <...>

В составе 10-й Гвардейской армии наш батальон был около года. Это была боевая Армия с богатыми традициями. Инженерную службу её возглавлял упоминавшийся мною полковник Цвангер, бывший моим командиром роты в начале войны. Встреча здесь оказалась совершенно случайной. Перед самым концом войны он погиб от шальной пули на уже освобождённой территории. <...> В целом, от штаба инженерных войск 10-й Гвардейской армии осталось очень приятное впечатление, но сколько-нибудь подробно я его представить себе не могу.

Примерно через год после моего приезда в батальон он, как и вообще вся инженерная служба Армии, был преобразован. По другим военным документам волею начальства пошла 10-я Гвардейская армия, а мы были переданы другой, 22-й Армии. Но самое главное, что были созданы инженерно-сапёрные бригады, и наш батальон вошёл в 26-ю бригаду, а последняя уже подразделялась на батальоны. Мы стали 193-м Инженерно-сапёрным батальоном. Всё у нас осталось по-старому (во всяком случае, с моей точки зрения), только я стал вместо начальника штаба называться адъютантом старшим. Батальон и раньше, и после преобразования состоял примерно из 350 человек – трёх строевых рот, взвода управления и разных хозяй-

ственных служб. Таким образом, он был совершенно самостоятельной частью, особенно до создания бригад. <...>

Первые месяцы в батальоне

Через один или два дня после моего приезда в батальон началось наступление Западного фронта. Мы стояли в весёлом лиственном лесу. Штаб был в каком-то плетёном сооружении из веток и молодых деревьев, накрытом плащ-палаткой.

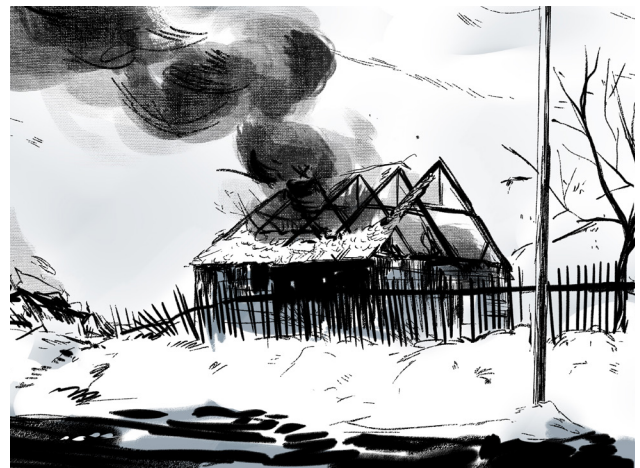
Развернувшаяся перед наступлением артподготовка была первой, которую я слушал вблизи, когда снаряды летели и впереди, и с боков, и сзади. Очень хорошо не только помню, но и зрительно представляю себе, как мы слушали эту громоподобную «музыку». Все находившиеся при штабе батальона солдаты и офицеры прекратили все дела, и было общее волнение и подъём.

В первые дни в батальоне я ещё очень плохо ориентировался в обстановке. Помню, что 1-я рота должна была сопровождать в наступлении танки, но где эти танки, как собрать, если понадобится, своих людей, я представлял очень туманно. Одновременно остальная часть батальона в первый день наступления должна была строить наблюдательные пункты Армии. Я должен был получить где-то три автомашины и доставить на место доски, брусья, скобы, гвозди и т. д. <...>

Никаких воспоминаний о начале жизни и работы в батальоне и обстановке тех дней, кроме движения широким фронтом огромной массы людей и техники, кроме неубранных трупов немцев под гусеницами танков, у меня не сохранилось. <...>

Из многообразных дел и событий первых месяцев моей жизни в батальоне высвечиваются лишь отдельные эпизоды. <...> Наша задача была учесть все немецкие оборонительные сооружения и продумать, как можно их повернуть на 180°, чтобы использовать в случае контратаки немцев. Занимались мы этим на совесть и не слезали с седла целыми днями. Поскольку немцы больше не пытались отбить многострадальную Ельню, которая ещё во время нашего отступления несколько раз переходила из рук в руки, то наша работа практического смысла не имела, но это обычная ситуация на войне, и всё равно приходилось дело делать спешно и на совесть.

Попали мы впервые в Ельню сразу же после окончания боя за неё, вошли буквально «на пле-

чах» наших войск. Остались прочно в памяти следы пребывания немцев, в частности, ещё не разрушены были виселицы с надписью на груди каждого повешенного: «партизан». Всё ещё было в дыму многочисленных пожаров. <...>

Вместе с тем, очевидно, на предыдущей стоянке мы день или два жили на опушке небольшого леса – месте, которое мне очень хорошо запомнилось. Здесь вечером нам на натянутом между деревьев экране показывали кинокартину, тогда только что вышедшую, – «Щорс». Песню из этого фильма «Одержим победу, к тебе я приеду на горячем боевом коне» во время наших поездок по Ельне всё время напевал Львов, и она даже сейчас тесно ассоциирует у меня с Ельней и с нашей там работой. <...>

Как я был артиллеристом

12 сентября в письме <...> я упомянул: «Последние два дня я занялся какими-то инженерными трофеями. Вообще много разнообразия». За этой коротенькой и «не волнительной» для мамы фразой стоит очень хорошо запомнившийся эпизод моей боевой жизни. Начался он с того, что меня очередной раз вызвали в штаб инженерных войск Армии. Задание, которое я получил, было несколько необычным. Оказалось, что немцами при отступлении было оставлено несколько штабелей реактивных снарядов. Никто толком не знал, как они стреляют, поскольку тогда как у нас, так и у немцев реактивная техника только вводилась. Позже эти немецкие реактивные снаряды мы называли «ишаками» за их отвратный рёв.

Это были «чушки» длиной около 5 м (весом 20–30 кг) с яйцевидной передней частью и цилиндрическим «хвостом», упакованные каждая в каркас из деревянных добротных планок. Отдельно в полном беспорядке лежали капсюли-детонаторы и взрыватели, не было только взрывного механизма для пуска снарядов.

Почему-то начальство Армии распорядилось, чтобы в использовании реактивных снарядов разобрались инженерные войска, то есть мы. Мне, прежде всего, надо было узнать, стреляют ли и как эти снаряды.

Я с маленькой группой солдат поехал на какое-то безлюдное болото и там организовал выстрел. Трудность ещё заключалась в том, что на немецком складе не было специальных подставок, на которые крепятся снаряды. Поэтому пришлось укреплять снаряды на подручных средствах. Стрельнули мы первый раз без взрывателя, и я до сих пор помню, как полетел снаряд сначала медленно, потом всё быстрее и где-то плюхнулся в болото. Пускать снаряды оказалось можно нашей подрывной машинкой. Дальность их определили в 2–3 км.

Через несколько дней, а может быть на следующий день после пробы в болоте, было приказано весь запас снарядов выпустить по немцам, причём почему-то опять-таки всё это дело было поручено мне. Мне был выделен взвод нашего батальона и намечен участок фронта, где требовался артобстрел. Помню, что нам был выделен артиллерист для корректировки направления стрельбы, хотя бы примерного.

Снарядов было три или четыре ЗИСа, которые мы, по возможности, тихо подвезли к передовой. Поскольку укреплять и ориентировать снаряды надо было кустарно, привязывая их проволокой к телеграфным столбам или каким-нибудь брёвнам, мы решили произвести эту операцию по возможности скрытно, а потом уже сделать все выстрелы близко одновременно.

К сожалению, наш план оказался нарушенным. После крепления к брёвнам первой партии снарядов¹ оказалось необходимым их выпускать по немцам, так как последние стали концентрироваться и появились танки. У той воинской части, к которой нас придали, был наблюдательный пункт на колокольне, откуда нам и давали все сведения о противнике.

В итоге мы стреляли почти целый день. Нашу «батарею» довольно быстро засекали, и очень скоро после нашего залпа следовал сильный артиллерийский обстрел площади, где мы действовали. Через некоторое время над нами появился даже немецкий разведывательный самолёт – «рама».

Поэтому таскать тяжёлые снаряды, крепить их к брёвнам, давать им необходимый наклон и направление приходилось под огнём. Все мы трудились, не переставая, с каким-то подъёмом, и лишь при очень густом огне прятались в воронки.

Как ни странно, хотя от обстрела непрерывно рвались провода нашей подрывной сети и сплошь да рядом нас забрасывало землёй, за весь день только одного солдата легко ранило. Все были как будто неуязвимыми. Нам везло настолько, что даже когда один молодой солдат в этот день наступил на немецкую прыгающую мину (не знаю уж, почему она здесь оказалась), и она взорвалась над его головой, ни один осколок в него не попал. Он упал, мы все решили, что он уже погиб, а он через несколько минут вскочил и побежал дальше.

Когда мы уже «отстрелялись» и ехали домой, то смотрели и считали дырки в своих шинелях, и у всех было приподнятое возбуждённое настроение. Как нам было официально заявлено, наш обстрел был эффективным и результативным.

Должен закончить, однако, свой рассказ печально. Командир взвода, который так же, как все мы, был почему-то в тот день «неуязвимым», через несколько дней погиб в землянке в расположении роты при непонятных обстоятельствах. То ли там была мина, то ли имело место прямое попадание какого-то шального снаряда, осталось неясным. Помню, как мы хоронили сохранившиеся останки и дали залп у одинокого могильного холмика.

Затишье поздней осени 1943 г. и начала зимы 1944 г.

Осеннее наступление 1943 г. шло в августе-сентябре очень быстро, с приходом распутицы оно замедлилось и затем совсем остановилось. В нескольких моих письмах написано, что дни, очень насыщенные делами и событиями, чередуются с днями, не особенно загруженными работой, когда я занимался приведением в порядок «бумажных»

¹ Снаряды вылетают не одновременно, а через одну или несколько секунд друг по отношению к другу. Если их крепко не привязывать, то все снаряды разбрасает, и они полетят в самых различных направлениях.

дел. Это в целом характерно для военной жизни, но, пожалуй, именно штабная работа не позволяет, как у строевых командиров, иметь полностью свободные дни. <...>

Наступление всё замедлялось, и на границе с Белоруссией мы совсем остановились. <...> По-моему, здесь я оказался свидетелем очень страшного случая. Нелепой гибели на войне многих людей. Почти рядом с домом, в котором мы жили, стоял недостроенный сруб. Одной ночью в нём расположился взвод солдат. Было очень холодно. Оконные проёмы затянули плащ-палатками, на пол положили сена. Ночью по чьей-то небрежности начался пожар. В темноте многие не могли найти дверь, также затянутую плащ-палаткой, внутри началась паника, и часть людей сгорели и многие обгорели. Мы все были свидетелями этого несчастья, но сделать никто ничего не мог. К тому же все ждали прилёта вражеских самолётов, так как пожар демаскировал расположение всех частей в деревне, и это вызывало общую тревогу. <...>

Как я уже упоминал, последнее время нашего пребывания на Западном фронте мы вместе со многими другими частями строили жердевую и колейную дороги в направлении Орши. Частично, особенно первое время, усилия были направлены на проталкивание застрявших в грязи из-за распутицы и бездорожья машин. Это была очень благодарная и тяжёлая работа.

Последнее время мы строили свой участок дороги, причём каждый вечер надо было на сборище всех командиров частей докладывать о том, сколько метров дороги проложено, сколько подготовлено жердей и т. д. Подходящий лес был не всюду около дороги, и выполнить норму было нелегко.

Отражение этой работы в нескольких строчках содержится в моём письме от 5 декабря:

«...Уже без десяти двенадцать и надо ложиться спать. Только что приехал с места работ и от начальства. Слегка подморозило, и лошадка моя (я теперь передвигаюсь исключительно верхом) бежала очень бодро. Последние дни совсем было потонули в грязи и вели с ней энергичную борьбу, проталкивая сквозь неё машины. Сейчас станет немного полегче...»

Я очень почему-то хорошо помню свои поездки домой после поздних летучек у начальства. Лошадь сама находила при этом дорогу к родной землянке, но в пути у меня довольно часто были мысли о том, чтобы меня в кромешной тьме осенней ночи не схватили в качестве «языка». Это было вполне возможно, так как всё происходило не так уж далеко в тылу.

Строили мы дорогу на Оршу около 10–15 дней, а потом, как я уже писал раньше, как всегда в армии, неожиданно переехали севернее на 2-й Прибалтийский фронт. <...>

Наступление начала 1944 г.

После нового 1944 г., сменив длительный период затишья, началось наступление наших войск. Оно развивалось не так активно, как в августе 1943, но до начала лета 1944 мы очень часто переезжали с места на место и понемногу двигались вперёд. От этого этапа работы батальона осталось не очень много воспоминаний. Попытаюсь как-то представить себе хоть внешне свою жизнь по письмам.

14 января:

«Я сейчас живу всё в таких же сосновых лесах, как и раньше. Погода прекрасная, морозов ещё не было. Сейчас размещаемся в огромной землянке, которая всем хороша, только песок сыпется из всех щелей. Сегодня ночью меня просто совсем засыпало. Народу разного в нашей землянке очень много – шумно и весело. Вообще мой штаб за последнее время стал очень весёлым, наверное, из-за того, что работы немного. Я последнее время много путешествовал, а ещё больше ломался в пути и ремонтировал машину. В результате мой чудный поллушубок стал совсем чёрным, а я сам неотличим от заправского шофёра.»

21 января:

«...Сейчас 23.30 и только что закончен чрезвычайно "шаловой" день, когда я исписал огромное количество бумажек. Завтра подъём должен быть у меня в 7.00, а ночью ещё 2–3 "подъёма" (это всегда приносят распоряжения ночью, причём их тут же надо реализовывать). Поэтому и писать длинное письмо нет возможности.»

На улице все течёт, тает и вообще настоящей зимы ещё не было, сказывается, наверное, близость моря. Землянка наша понемногу осыпает на наши головы песок – словом, жизнь идёт своим чередом. Сейчас выпиваю ещё чайку, который всегда греется у нас, и ложусь спать.»

31 января:

«...Живу уже снова в новом доме – теперь сыпется с потолка не песок, а глина, и вокруг не сосны, а ели. Очень красивые и приятные места: маленький ручей, в котором прекрасно умываться...»

8 февраля:

«...Не сетуйте за редкие письма. Я жив, здоров и бодр, но условия кочевой жизни не всегда позволяют писать. Как это сделать, например, под ёлкой у костра и, особенно, когда идёт снег. Да и отправлять письма часто неоткуда. Ведь мы сейчас довольно быстро двигаемся вперёд... По-моему, как раз в это время я как-то отогнул "уши" у шапки и

увидел, что одно из них разорвано осколком. Наверное, если бы осколок прошёл в нескольких сантиметрах в сторону, то у меня была бы пробита голова. Но мне всё время везло!» <...>

Примерно в это время или несколько раньше наша 2-я рота стояла в излучине р. Великой, где наши войска заняли небольшой плацдарм на западном берегу. Здесь были чрезвычайно сконцентрированы наши части, всё время шла артиллерийская дуэль между нами и немцами.

У меня сохранились некоторые воспоминания об этом плацдарме. Во-первых, помню, как я подходил к нему, отправившись во 2-ю роту, приходилось ложиться то под обрывчиком, то под какой-то кучей брёвен, когда обстрел становился чересчур сильным. А самое главное воспоминание – несколько смешное, но оно могло стать весьма печальным. Рота стояла, врывшись в землю, на небольшой горке в нескольких сотнях метрах в тылу от неё расположились артиллеристы, которые вели огонь через наши головы. Когда я только пришёл в роту то, смеясь, сказал: «Как бы в нас тут наши не залепили». И, действительно, так оно и вышло.

Командир роты капитан Кузнецов жил в небольшой яме – блиндаже, крытом сверху плащ-палаткой. После моего прихода, как сейчас помню, спустились к нему обедать – есть жареную картошку с кониной. Недавно в роте убило лошадь, и все вокруг варили и ели конское мясо. Мы очень хорошо поели, а потом вылезли из-под земли и сели отдыхать на раннем весеннем солнышке, хотя ещё всюду лежал снег. Ординарец Кузнецова, помню даже, что его фамилия была Поляков, полез убирать наш «стол». Вдруг раздался взрыв – это артиллеристы, вместо того, чтобы стрелять через нас, попали в бруствер ямы Кузнецова. Плащ-палатка разорвалась на узкие ленты, а ординарец, как ни странно, совершенно невредимый, выскочил из ямы и, не поняв в чём дело, бросился в какое-то ближайшее укрытие. В итоге всё закончилось благополучно. Легко оказался ранен только один боец, сидевший совсем в стороне от ямы Кузнецова. <...>

С описанным плацдармом связано у меня ещё одно воспоминание совершенно другого рода. Высшее начальство считало необходимым послать с плацдарма инженерную разведку в тыл к немцам. Я настаивал на том, что это совершенно нереально при том количестве немецких войск, которые там были сосредоточены, и к тому же при

весенней распутице. Несколько дней длилась моя борьба с начальством, несмотря на обещание с его стороны разных неприятностей. Потом я уехал по какому-то делу, и в это время угодливый замполит снарядил двух солдат в немецкий тыл. Они, конечно, не вернулись. Это были очень молоденькие и симпатичные ребята. До сих пор жалею, что я не оказался на месте и не мог справиться с начальством, даже навлекая на себя его гнев.

Взвод разведки

Говоря о зиме начала 1944 г., мне хочется рассказать о своём общении и работе со взводом инженерной разведки. Этот взвод был сформирован в составе 1-й роты из молодых и наиболее толковых солдат. Был специальный приказ, который предусматривал создание такого взвода. Он должен был, отчасти наблюдая за немцами, но, главным образом, сразу же вслед за нашим наступлением отмечать все оставленные противником, а также естественные природные и искусственные препятствия: минные поля, заграждения, мосты и их состояние, проходимость дорог и т. д. Я очень хорошо помню, что в приказе специально было указано, что вся работа разведвзвода и обучение его людей должны были производиться начальником штаба батальона. Надо сказать, что эта работа оказалась мне очень по душе, и я здесь делал, может быть, несколько больше, чем сугубо формально полагалось. Вместе с тем, мои походы с разведчиками вовсе не нашли отражения в письмах. Я непосредственно ходил с той или иной группой разведчиков по только что отвоёванной территории, смотрел в стереотрубу на немцев, когда они ходили

по траншеям, и при этом учил солдат записывать и наносить на карту всякие важные для нас наблюдения. Отдельные эпизоды походов с разведчиками хорошо врезались в память, остались даже зрительно отложившиеся условия местности.

Первый запомнившийся эпизод связан с моим единственным и очень лёгким ранением. Я шёл с двумя, не помню какими, но знаю, что очень молоденькими разведчиками. Нам нужно было пересечь железную или шоссежную дорогу, которая усиленно простреливалась. В ожидании подходящего момента собралось сравнительно много бойцов. В это время начался интенсивный миномётный обстрел. Мои спутники бросились было бежать назад, в таких случаях огонь часто туда и переносят. Я помню, что схватил их и затолкал в старую воронку, где уже сидело несколько человек. Сам я оказался сверху, как бы закрывающим собой всю воронку. Нас несколько раз осыпало землей, но потом всё затихло, и мы благополучно выскочили из зоны обстрела. Оба спутника мои оказались легко ранены, и я, не знаю уж насколько хорошо, их перевязал индивидуальными пакетами. Своё ранение я обнаружил только, когда снял полушубок (а я, по-моему, сделал это лишь через два или три дня), по засохшему пятну крови на рубашке и гимнастёрке. Раньше я думал, что меня просто сильно ударило комком мёрзлой земли.

Второй эпизод оставил у меня более яркие воспоминания. Я тоже шёл с несколькими разведчиками. Нам надо было переходить по льду большое озеро. По нему всё время тянулись наши бойцы одиночками и группами. Надо было перейти озеро как можно быстрее, чтобы избежать обстрела. Вместе с тем нужно было быть очень осторожным, чтобы не угодить в полыньи, частично перекрытые снегом.

Мы выбрали время, когда обстрел несколько затих и наших бойцов на озере почти не было. Прошли благополучно около километра. Вдруг, когда до противоположного берега осталось метров пятьсот, показался немецкий самолёт. Это был маленький разведчик, который летел очень низко. Мы легли на лёд, но были без маскхалатов, в полушубках, так что прекрасно были видны на белом фоне. Самолёт медленно развернулся над нами и сделал круг. Лётчику ничего не стоило выпустить пулемётную очередь в нас, что, я думал, он и делает. Я отчётливо видел «арийский» профиль лётчика, и мне даже казалось, что он улыбался, глядя на наши распластавшиеся на снегу фигурки.

Но почему-то лётчик не дал ни одного выстрела, и самолёт улетел на немецкую территорию.

Конечно, никакой экстраординарности для переживавших атаки или бывших в окружении в этом эпизоде не было, но, пролежав минут десять в ожидании пулемётной очереди на льду озера, я действительно, как это часто пишут, вспомнил всю свою жизнь и успел не раз распрощаться с ней.

Походы с разведчиками, в целом, запомнились горящими домами в деревнях, разбросанным имуществом беспорядочно отступавших немцев, нагромождениями трупов и прочими свежими, иногда страшными, следами боёв. Они связаны также с взятием некоторых трофеев, в которых я участвовал. Главный трофей был вездеход на комбинированном резиново-гусеничном и колёсном ходу, чуть ли не с шестью передними и задними скоростями. Мы потом ездили на этом вездеходе больше полугодя, и он нас очень выручал, доставляя в любую распутицу в роты продукты и всякие материалы. <...>

В целом же мы доставляли довольно много полезных сведений и, кроме того, я бывал с разведчиками всегда с удовольствием, так как все они были очень хорошие ребята, с которыми был дружен, невзирая на нашу разницу в служебном положении и тогда казавшуюся очень большую разницу в возрасте. <...>

Начало лета 1944 г. – отдых и переформирование

Весна и начало лета 1944 г. проходили у меня очень мирно. Зимнее наступление приостановилось, а потом нас начали переформировывать. Из памяти выплывают только отдельные полузабытые картинки. О весне и начале лета, когда мы не участвовали в боевых действиях, кое-что говорят письма. В открытках, посылаемых по почте, обычно были всего одна-две фразы. Но более подробны письма, которые везли попутно отпускники. <...>

Вот одно письмо, относящееся к этому же, спокойному, периоду войны. Его отвёз в Москву Иван

Михайлович Соболев. О том, что он вскоре после этого, перейдя с нелёгкой должности командира роты на спокойную работу по обобщению опыта войны, погиб, я уже писал выше². А пока он ехал в отпуск, и по моей просьбе заехал на Тверской бульвар. В это время как раз нас «разлучили» с 10-й Гвардейской армией и мы стали входить в 26-ю инженерно-сапёрную бригаду. Вот что говорит моё письмо от 20 июня 1944 г.:

«...У нас недавно прошла реорганизация, в результате которой наша часть несколько переформировалась и, главное, перешла в другую Армию. Кто-то удачно придумал называть новую нашу Армию "3-я мировая", так как сейчас во всём мире только шведская, турецкая и наша третья не воюют. Почти всю войну эта Армия стояла в обороне и сейчас тоже ничего активного не делает.

Мы поэтому учимся, строим кое-что и т. д. Как всегда, когда нет боевых дел, начальство заваливает бумажками: то декадная сводка, то плановая таблица, то сведения на личный состав. Всё это надо составлять и подавать в точные сроки. По новому штату мне завдел не положен, и я тружусь поэтому с Раей вдвоём. Думаю, правда, взять ещё сверхштатного человека для всякой писанины.

Условия жизни у меня сейчас не столь даже военные, как лагерные. Землянки несколько сырые, как им и надлежит быть, но большие и удобные. На кровати у меня простыня, под ней вместо матраца мелкие берёзовые веточки, в баню можно ходить хоть в три дня раз, кухня и столовая при ней рядом. При всём том очень скучно, и спасает только хоть иногда и бестолковая, но работа». <...>

Наступление в Латвии – лето 1944 г.

Я не могу сейчас точно восстановить, когда началось наступление в Прибалтике. Но ещё 9 июля я писал, что живу в сосновом лесу и пишу огромное количество бумажек, а 15 июля в открытке написано: «Несколько дней не писал вам – всё время двигался... Теперь ехать к вам дальше, но это, конечно,

² Так погиб наш командир 3-й роты Иван Михайлович Соболев. Он был значительно старше меня, и у него дома, по-моему, жили жена и две дочки. Как-то у меня с ним зашёл разговор о войне и о том, чтобы вернуться с неё живым. И вот совсем незадолго до конца войны его (он был гражданский – инженер) перевели из батальона в штаб бригады на спокойную работу по обобщению опыта войны. Помню, как он, довольный, говорил, что теперь у него все опасности позади. Через несколько дней после этого он подорвался на mine, составляя план какой-то старой, находящейся теперь глубоко в тылу линии обороны. (Из главы «Люди батальона», не вошедшей в данную публикацию).

не плохо... Ем в больших количествах чернику, пью молоко и употребляю прочие чудные вещи...» Это, наверное, значит, что мы переехали границу с Латвией. Я помню большой контраст Латвии с Калининской областью: в Латвии всё было относительно целое, а в России стояли только одни остатки печей вместо домов.

Июль и большую часть августа мы очень быстро двигались вперёд. В коротеньких открытках всё время отражено отсутствие времени и спешка и, вместе с тем, хорошее приподнятое настроение. Память сохранила от этого времени довольно много воспоминаний, но разрозненных.

Раскладывать всё штабное имущество и строить какой-нибудь блиндаж часто не хватало времени. Я писал и зашифровывал (к этому времени передавали донесения по радио, шифром, и у нас был очень молоденький радист, к которому как нельзя лучше подходил его первый позывной «воробей») свои донесения где-нибудь под кустом, на обочине дороги. С радистом-«воробушкой» мы попали однажды под довольно сильную бомбёжку. Помню, что мы ехали на повозке, где и была наша довольно тяжёлая рация. Наши, не помню уже какие, попутчики разбежались, спрятались при появлении самолётов. Но мы не могли бросить лошадь, нашу тележку, а, главное, рацию. На дороге,

как на грех, не было ни одного дерева, и мы ехали по ней в полном одиночестве, усиленно погоняя лошадь, смотря как вокруг (не знаю уж, почему немцы здесь бомбили) рвались бомбы.

По-видимому, в другой раз, но, может быть, даже в тот же день, надо мной в первый и единственный раз немцы кидали маленькие бомбы в каскетах – «чемоданах», раскрывавшиеся в воздухе. Смотреть на падающие «чемоданы» и слушать свист многочисленных бомб – занятие очень неприятное. Это, помню, было на опушке небольшого леса, где стояли наши «катуши», и я совершенно непроизвольно пополз в глубь зарослей. При этом разодрал брюки о колючую проволоку, и ругал себя потом за отползание от уже летящих бомб, которое ничем мне помочь не могло.

При быстром нашем продвижении и уходе немцев без больших боёв иногда было неясно, где наша и где немецкая территория. Один раз мы чуть-чуть не пострадали из-за этого. Не помню, что в это время делали наши роты, а мы, командование батальона – комбат, замкомбата и я – почему-то шли пешком по хорошей и совершенно пустынной шоссейке. Настроение у нас было очень благодушное, причём мы считали, что впереди нас где-то движется группа наших разведчиков. На самом деле они зашли в какой-то хутор попить молока.

Таким образом, мы дошли до отдельно стоявшего дома, каких много в Латвии. Помню, что мы зашли в дом, а замкомбата, капитан Кузнецов, дурачась, стал спрашивать, кто тут живёт, в частности обращаясь на чердак или мансарду, куда шла лестница. Никто не ответил. Потом мы сели отдохнуть около дома на сложенные там брёвна. Сидели и смотрели на расположенное впереди поле, обсуждая, что за фигурки движутся там между ржи или пшеницы. В это время к дому подходили отдельные солдаты, потом подкатили лёгкую противотанковую пушку. Когда скопилось здесь 10 или 15 человек, неожиданно с чердака дома, у которого мы сидели, застрочил пулемёт. Мы не бросились в дом, чтобы уничтожить засевших там немцев, как написали бы в книге или показали бы в кино, а отступили по придорожной канаве под всю свистевшими пулями. Когда мы бежали от злополучного дома, то нам навстречу через несколько сотен метров попала цепочка наших бойцов. Здесь был наш передний край, а мы, оказывается, незаметно для себя «вышли» вперёд наших войск. В том поле, которое мы с интересом разглядывали, была передовая цепь немцев. Хорошо, что мы не полезли на чердак дома, а то вряд ли я смог сейчас рассказывать об этом случае. <...>

И, наконец, ещё один случай, запомнившийся мне и показывающий, какую важную роль играет на войне случайность. Мы ехали по недавно освобождённой местности. Наши роты работали над разминированием дороги. Трудность, насколько я помню, заключалась в том, что мины немцы устанавливали в несколько ярусов, то есть наряду с приповерхностными были мины глубокого заложения, которые срабатывали лишь после углубления дорожной колеи.

Хотя там, где мы ехали, всё казалось проверенным, движение не было открыто. Помню, что был хороший жаркий день, хорошее какое-то настроение, очевидно связанное с быстрым успешным наступлением. Ехали мы на полуторке. Я сидел с небольшой группой солдат и офицеров в кузове. Мы догнали знакомого мне (теперь уже не помню, кто был) майора из штаба инженерных войск Армии. Он шёл пешком по дороге. Я его пригласил в машину. Мы проехали ещё немного, и мне пришлось слезть, чтобы разобраться в работе наших сапёров: или переставить кого-то на новый участок, или решить ещё какие-то организационные вопросы. И как раз в это время, когда я слез с машины, она подорвалась на глубоко поставленной

мине. Несколько лишних минут поездки, и я взорвался бы вместе с машиной.

Все пострадали по-разному, и как раз больше всех – майор, которого я пригласил в машину. Помню, что его несли куда-то на плащ-палатке. Думали вначале, что он убит, но потом из недр плащ-палатки раздался его голос.

Так случай на войне оказывался жестоким и неумолимым к одним и покровительствовал другим. Мне, почему-то, всю войну везло. <...>

Уже во второй половине августа движение наших войск и, соответственно, моё стало медленнее, и мы дольше жили на одном месте. Появились понемногу более длинные письма домой. Вот одно из них от 24 августа 1944 г.:

«Наконец собрался написать Вам настоящее письмо. Думаю, что удастся, так как уже третий день мы живём на одном и том же месте и сегодня вторую ночь даже спим в доме.

Дом наш на карте обозначен как "дом лесника", и, действительно, вокруг лес. Лес такой же, как у нас под Москвой, – сосны и сплошные заросли вереска внизу, который сейчас как раз цветёт. Стоят хорошие ясные, хотя и несколько прохладные, дни.

Сначала мы остановились прямо в лесу, как и большей частью последнее время. Все уже настолько приспособились к переездам, что моментально вырастают палатки, и лес принимает "жилой" вид. В палатке работать хорошо, но немного устаёт спина, и очень часто приходится вскакивать, так как и столы и стулья из ящиков, в которых все бумаги. Немного неудобно также с маскировкой, о которой вы, наверное, уже забыли.

Свет у меня теперь электрический, яркий, от аккумулятора, и Фёдорову моему приходится изощряться в затыкании дырок. А вообще и в палатке не плохо.

Что-то не получается длинное письмо. Под ухом Рая слышат со старшинами рот списки личного состава и путает мои мысли. А на улице играет гармошка, и вообще много "помех", как говорят мои радисты, когда у них никак не наладится связь.

Вчера переехали в дом и даже смотрели там после длительного перерыва кино – "Северная звезда". Очень любопытный фильм американцев о нашей жизни <...>. Сегодня, пользуясь осёдлой жизнью, подогнал несколько бумажные дела, а если ещё пару дней постоим, то и совсем все свои "грехи" ликвидирую. Но, конечно, лучше двигаться...».

<...>

Как мы воевали на месте пехоты

В Прибалтике поздней осенью 1944 г. и затем, после перерыва, в начале зимы 1945 г. наше наступление полностью прекратилось, и в официальных сводках, в газетах того времени писали: «Наши войска в Прибалтике доколачивают немецкую группировку». В связи с тем, что окружённые полукольцом и прижатые к морю немецкие войска, а, главным образом, оставленные немцами «власовцы» не представляли никакого стратегического значения, наше командование так же не прилагало, очевидно, специальных усилий для полной ликвидации довольно ещё большой вражеской группировки, занимавшей обширную территорию. Это выражалось, в частности, в том, что в Прибалтике не пополнялись постепенно уменьшавшиеся количественно (всё-таки и здесь шла война) наши части.

Осенью вместо этого был издан приказ использовать все рода войск в качестве пехоты. Во исполнение этого приказа, наш батальон дважды – осенью и когда-то в середине зимы – оказался на положении пехотного.

Зимой мы стояли в обороне, наверное, около месяца, но особых воспоминаний об этом времени у меня не осталось. На передовой всё было спокойно, хотя мы и потеряли несколько человек при редких перестрелках, артиллерийских дуэлях или стрельбе снайперов. Зато первое наше нахождение в обороне, длившееся всего полтора или двое суток, запомнилось очень чётко, и дорого обошлось батальону – за одну ночь мы потеряли, главным образом ранеными, более двадцати человек, и запросто могли бы этим эпизодом вообще закончить для себя войну или расстаться с жизнью.

В моих письмах этот эпизод можно угадать только по одной строчке. 5 октября, в день своего рождения, когда мне минуло 26 лет, я писал: *«Сейчас вновь после нескольких напряжённых рабочих суток, в работе затишье»*. Я и сам только сейчас, просматривая письма, обратил внимание на эти слова. <...>

Нас определили в оборону с пехотой на правах не отдельной части, которой мы являлись, а стрелкового батальона. Этим все были недовольны: и командир полка, которому мы были приданы, и наше командование. Я совершенно не помню командира полка, может быть, даже и не видел его ни разу, только говорил с ним по телефону, но он

ворчал, что ему дали для «затычки» участка фронта сапёров, которые и не воевали никогда в качестве пехоты. И действительно это было так.

Заняли мы оборону ночью. Мой командный пункт помещался в глубоком каменном погребе, а остальная часть штаба примерно в 500 м в тылу, тоже в погребе, но менее глубоком. Впереди нас находился один из взводов <...>. Слева оборону занимала вторая рота, а справа, немного в отдалении – первая рота. Третья рота была, по-моему, на каком-то другом задании. <...>

Когда ночью проводник из пехотного полка показал нам наши места, и я подписал акт о приёме участка обороны, то мы с замкомбата решили осмотреть свои владения. Сначала он остался на командном пункте, а я отправился во вторую роту. Помню, что траншеи, которые она занимала, были очень близко от немецких, отчётливо слышалась речь, и легко было ночью по ходам сообщения спутаться и попасть к противнику.

Я довольно быстро вернулся, после чего замкомбата ушёл в первую роту. И тут по какой-то причине, может быть, чтобы улучшить свою позицию или каким-то образом узнав, что против них стали сапёры, немцы решили немного продвинуться. Всё началось с ожесточённой артиллерийской стрельбы и усиленной концентрации противника в первой траншее. У нас, конечно, никакой артиллерии придано не было. Помню, что я, в первую очередь, позвонил командиру полка. Разговор наш, однако, свёлся к ругани с его стороны и грозному предупреждению, чтобы мы не смели отходить ни на метр со своих позиций. <...> Дальше мы, несколько человек находящихся в штабе, в основном ждали, что появятся немцы и нам, хотим мы этого или нет, придётся принять бой с ними и явно его проиграть. <...>

Очень хорошо помню ещё, как потом к нашему штабу шли раненые, которых мы отправляли во второй эшелон, где была санчасть. Их было порядочно, но казалось очень много.

Несколько позже, уже после длительной стрельбы немцев, <...> я, будучи не в силах больше ждать около штаба неизвестности, пошел во 2-ю роту, путь к которой уже знал с вечера. Оказалось, что часть бойцов 2-й роты сидела в каком-то овражке и утверждала, что их окопы уже заняты немцами. Я убедил их, что только что говорил с их командиром роты по телефону и что он на своём месте, после чего мы благополучно добрались до их линии траншей.

В целом к утру всё же оказалось, что немцы на отдельных участках нашей обороны продвинулись на несколько сотен метров. Утром на нас налетело сразу же множество проверяющих: из дивизии, корпуса, армии, не знаю ещё откуда. Мы получили строжайшее указание восстановить положение, что мы сделали, в конце концов, с помощью приданных нам огнеметчиков. Восстановление обстановки, то есть продвижение на несколько сотен метров, длилось целый день. <...>

Вечером, спустя около двух суток непрерывных действий и тревоги, мы, наконец, сдали участок обороны. Помню, что я и те, кто были со мной, сразу же заснули, и спали в самых различных положениях там, где нас застало свободное время. <...>

А война продолжалась. Правда, части наши в Прибалтике топтались на месте, и жизнь моя, в основном, была спокойной и не очень напряжённой. Иногда были артиллерийские обстрелы и бомбёжки. Помню, например, что прямо около штабного блиндажа тяжело ранило нашего бессменного почтальона Мазенина. Хорошо запомнил, что как-то оказался со связным в полосе обстрела и шёл через неё, не прячась, чем заслужил славу достаточно смелого человека. Втихомолку я этим гордился. А ещё обо мне все передавали, что я очень быстро и подолгу хожу и загоняю связных, что мне тоже импонировало. <...>

Окончание войны и послевоенные месяцы

В начале апреля начались разговоры о нашем отъезде из Прибалтики. <...> В открытке от 2 апреля я в «зашифрованном» виде написал: «Серёжа пишет, что куда-то едет – чего доброго и в тыл его завезут». Вместе с тем шли также упорные слу-

хи, что нас отправляют на Дальний Восток. 15 апреля нас погрузили в эшелон, и мы отправились в неизвестном направлении. Все с любопытством смотрели, куда нас везут.

В первой открытке с пути написано:

«За окном мелькают литовские деревни, сосновые леса».

18 апреля в открытке сказано:

«Позади остались белорусские пески, леса и болота. Впереди – запорожские степи. А что дальше – не знаю. Третий день стучит поезд по стыкам. Только теплее что-то не становится.»

Наконец 21 апреля была послана открытка из Черновиц:

«За окном на большой горе красивые белые домики – очень красивый город».

Конечным пунктом нашего путешествия по железной дороге оказался город Плоешти. О нём остались воспоминания о многочисленных нефтяных вышках, грязи и повсюду цветущей сирени.

Не помню уже как я получил руководящие указания, но они заключались в необходимости готовить людей к сапёрному обеспечению боёв в горно-лесистой местности. Имелись в виду остатки немцев в Чехословакии. Но кроме этого общего указания никаких заданий батальон не получал. Дислоцироваться нам определили в каком-то большом румынском селе на равнине южнее Бухареста. <...> В этом удалённом от фронта селе и без большого скопления народа отметили мы день Победы. 10 мая я написал домой:

«Вчера шумно праздновали победу. Салюты из всех видов оружия были такие, что все собаки прятались и до сих пор их не видно и не слышно. Ракетой зажгли два сарайчика, которые, правда, дружными усилиями удалось быстро потушить. Всё время вспоминал Москву – у вас, наверное, там было что-то замечательное...»

В этом, первом после Победы, письме я уже начал писать о том, как бы мне демобилизоваться и перейти на работу в геологию. Первая просьба в этом отношении была – получить в МГРИ и выслать копию диплома, который я потерял, вытаскивая машину из грязи, когда подъезжали к р. Великой. Дальше почти в каждом письме заключены просьбы о том, чтобы содействовать возвращению к геологии. <...>

А жизнь шла довольно однообразная и скучная, только из села мы переехали в лес, где были сконцентрированы все находящиеся в Румынии (а, может быть, только в одном районе) инженер-

ные войска. Чтобы лучше представить свою послевоенную жизнь, приведу несколько выдержек из писем.

«...По случаю воскресного дня (которые теперь впервые за 4 года имеются частично и у нас) постараюсь описать свою жизнь подробнее. Живу в лесу южного типа – дубы и ещё какие-то лиственные деревья. Пока строятся нашими же силами нам глинобитные домики, живу в машине-полуторке. Обстановка – топчанчик, прикрепленный к стене, как в поезде, стол и сверху два "главных" сундука. Остальное частично под машиной, частично под указанной мебелью. Очень много пишу всяких скучных и канительных бумажек, ибо уже около 10 дней работаю один.

По написанию письма собираюсь на реку, которая отсюда всего 300–400 метров. Помоюсь, купуюсь и на песочке полежу. Культура наша поднялась до такой степени, что на берег привезли, говорят, даже военторг с пивом. Ну и то хорошо! Денег нам дают порядочно, но не рублями, а "леями", которые, хочешь не хочешь, надо тратить. Поэтому изредка пью виноградное вино и, по возможности, много (хоть и не всегда удаётся) ем черешню, клубнику и тугу.

Но, несмотря на все перечисленные прелести, ужасно скучно. В боях время летело быстро, а здесь и занят всё время, а день тянется за днём, как улитки.» <...>

«Ну, вот и всё. Представление о моей жизни вообще дать трудно, ибо весь стиль её очень уж отличен от привычной вам жизни. Может быть, ближе к старости я вдруг сочиню какие-нибудь "воспоминания одного из миллиона", но пока этого даже в мыслях не было, а только так сейчас на бумаге написалось».

Я нарочно привёл эту цитату из письма, ибо, оказывается, уже тогда мелькала мысль о воспоминаниях. Жалко, что теперь уже многое забыто.

В румынском лесу мы жили до середины июля, а затем двинулись в Россию. Двигались мы своим ходом. По дороге я заехал в Бухарест <...>, ехали мы через города Галац и Рени, а затем пересекли Молдавию и на некоторое время встали в Тирасполе, как я помню, среди сплошных вишнёвых садов, где хозяева разрешали рвать ягоды столько, сколько можем съесть. Из этого периода нашей жизни приведу одно более подробное письмо от 21 июля. Оно начинается с эпиграфа из Пушкина «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют». Дальше я писал: *«Но зачем они выбрали для кочёв-*

ки эту страну, совершенно не понятно. Бескрайняя сухая степь, там, где не засеяна пшеницей и кукурузой, ничего не растёт, кроме колючек. Машина идёт с бугра на бугор, твёрдая земля гладка, как асфальт, и можно ехать час–два и не встретить на дороге ни одного села. Если не жить здесь, то проехать (особенно такому любителю путешествий, как я) по этим степям довольно интересно. А берега Днестра надеюсь найти более цветущими.

За эти дни, кроме всего прочего, я стал этнографом: познакомился с гагаузами (!), болгарами и даже поляками. С интересом наблюдаю за бытовыми особенностями каждого народа, выискиваю знакомые корни слов и т. д.

Сейчас сижу в просторной беленькой комнате. Рамы на двух окнах закрыты, а третье окно в тени, и поэтому в комнате прохладно. А на улице палящий зной. В глубокой пологой долине, где расположено наше село, ни ветерка, и даже странно, что деревья и трава ещё зелёные и не сожжены солнцем.» <...>

Начало августа мы провели в Тирасполе. Оттуда уехала первая партия демобилизованных – «старички» и женщины, в том числе Рая. Оформлять демобилизованных – это была очень трудоёмкая работа, и поэтому с отъезжающей Раей я смог написать лишь несколько слов на клочке бумаги карандашом. Это было 9 августа 1945 года. Вот что я написал:

«В панике и спешке последних двух дней даже не успел написать Вам письма. Сейчас пишу, сидя на обочине дороги перед строем демобилизованных, которые остановились в ожидании начальства. Обо мне Рая расскажет, что заменит, может быть, отчасти письмо. Живу ничего себе, но очень уж скучно. Наводит на грусть новая война – неужели задержат. Дописываю уже на станции на борту машины. Поэтому всё.»

В дальнейшем мы переехали в какое-то село совсем рядом с Одессой. Здесь мы ждали теплохода, который должен был нас вести по Чёрному морю. <...> Переезд из Одессы в Новороссийск запомнился мне мало. Ехали мы – целая бригада в помещении гаража теплохода «Украина». Для меня памятна встреча с Михаилом Владимировичем Муратовым, ранее преподавателем МГРИ, после членом-корреспондентом Академии наук. Михаил Владимирович был моим консультантом в разных научно-популярных делах. А на пароходе, где он ехал на геологические работы на Кавказ из Крыма с несколькими студентками, мы встретились

очень тепло и даже отметили эту встречу в парковом ресторане.

Прождав несколько дней в Новороссийске, проведённые мной, судя по письмам, в прогулках по его окрестностям, я, наконец, прибыл в Краснодар. Моя жизнь здесь была полна ожиданий демобилизации. Ещё из Румынии я посылал заявление в МГРИ о приёме в аспирантуру, но из этого ничего не вышло. Случайно в Краснодаре оказалась Крымско-Кубанская экспедиционная база Академии наук, которая занималась изучением карста. Один из деятелей этой базы был соседом Лидии Феликсовны Кон, и он обещал способствовать моей демобилизации. Таким образом, я чуть не стал специалистом по карсту, и уже потом, попав в Москву, когда меня демобилизовали, как геолога, я отделался от этой карстовой станции. <...>

5 октября 1945 г. в Краснодаре я писал одну из своих последних военных открыток, ещё с надписью «Смерть немецким оккупантам» и почему-то грузинского производства:

«...Сижу, слушаю радио, читаю Ибсена и грузцу. Несмотря на заверения в письмах, что вызов уже близок <...> перспективы, по-моему, довольно

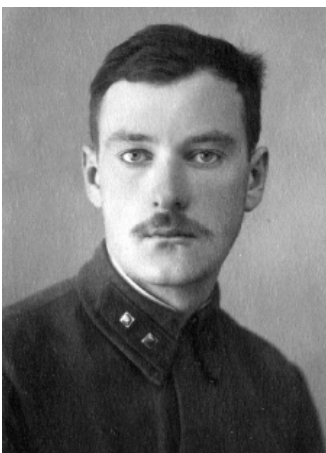
туманны, вернее, отдалённые. Может быть, хоть удастся вырваться в отпуск, а так что-то не верится. А очень хочется.

Живу тихо, спокойно. Сегодня к вечеру вспомнил о своём рождении, но, к сожалению, ничем этот день не отметил. Письма приходят редко, и единственно, что спасает от скуки – достаточное количество работы».

Дальше события развивались довольно быстро. Дней через десять я уехал в отпуск. В Москве в Комитете по делам геологии я узнал, что уже включён в число демобилизуемых как специалист. <...>

Так прошли почти четыре года моей военной службы. Как я уже говорил, мне всё время очень везло, и никак не стараясь об этом, я провёл всю войну очень мирно и спокойно, хотя, конечно, иногда меня и могла настигнуть участь многих погибших в эти страшные годы. Война для меня означала и полную перемену всех жизненных устоев, которые были мне близкими с детских лет, так что эти годы, несмотря ни на что, были переломными и очень важными для всей моей дальнейшей жизни.

*С. Д. Шер
Москва, 1979–1980 гг.*

Об авторе

Сергей Дмитриевич Шер (1918–1990) окончил Московский геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе. Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, награждён боевыми медалями. Вся его научная жизнь связана с ЦНИГРИ.

Крупный специалист в области геологии золоторудных месторождений, опубликовал более 130 работ. Вёл исследования на Урале, в Баргузинской и Ленской тайге, в Приамурье, Средней Азии, в том числе одним из первых начал геолого-структурное изучение золоторудного месторождения Мурунтау, руководил пионерными поисковыми работами в рудных полях Сухой Лог и Вернинское. Обобщил данные по золотоносности земного шара в двухтомной монографии «Металлогения золота» (1972, 1974).